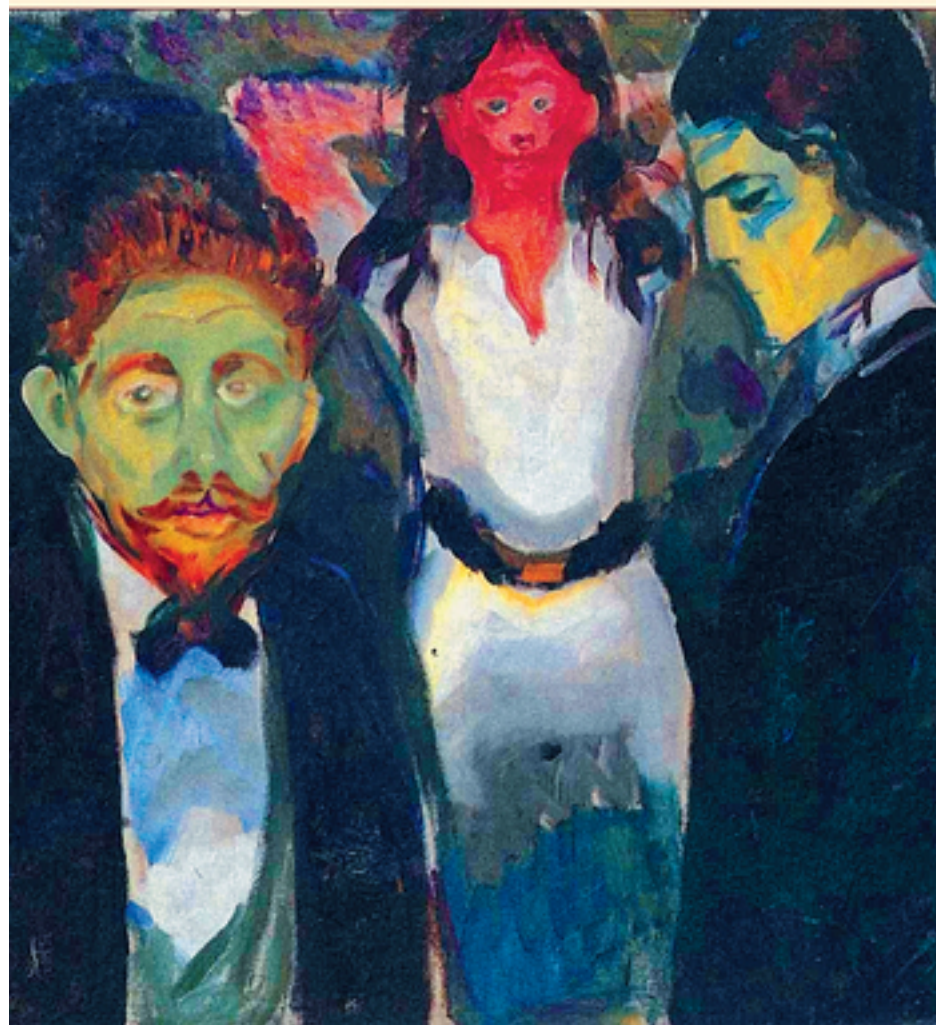

Библиотека Всемирной Литературы

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ

Красная комната. Пьесы. Новеллы

Август Стриндберг

Муки совести

«ФТМ»

Стриндберг А. Ю.

Муки совести / А. Ю. Стриндберг — «ФТМ»,

«После Седана миновало две недели, другими словами, была середина сентября 1870 года. Копировальщик прусского геологического управления, а на сей раз лейтенант из резервистов господин фон Блайхроден сидел без сюртука за письменным столом в одной из комнат Cafe du Cercle – самого изысканного заведения деревеньки Марлотт. Форменный сюртук со стоячим воротником лейтенант повесил на спинку стула, и тот поник, будто мертвое тело, судорожно обвив пустыми рукавами ножки стула – как бы на случай внезапного падения головой вперед. На правой поле остался след от портупей, левая была до блеска истерта ножнами, а спинка была пыльной, как проселочная дорога. По низкам своих изношенных брюк господин геолог в звании лейтенанта мог бы даже вечером без труда изучать третичные отложения в данной местности, когда же к нему являлся вестовой, он по следам от грязных сапог безошибочно устанавливал, какие формации лежали на пути вестового – эоценовые или плиоценовые...».

© Стриндберг А. Ю.

© ФТМ

Август Юхан Стриндберг

Муки совести

После Седана миновало две недели¹, другими словами, была середина сентября 1870 года. Копировальщик прусского геологического управления, а на сей раз лейтенант из резервистов господин фон Блайхроден сидел без сюртука за письменным столом в одной из комнат Cafe du Cercle – самого изысканного заведения деревеньки Марлотт. Форменный сюртук со стоячим воротником лейтенант повесил на спинку стула, и тот поник, будто мертвое тело, судорожно обвив пустыми рукавами ножки стула – как бы на случай внезапного падения головой вперед. На правой поле остался след от портупей, левая была до блеска истерта ножами, а спинка была пыльной, как проселочная дорога. По низкам своих изношенных брюк господин геолог в звании лейтенанта мог бы даже вечером без труда изучать третичные отложения в данной местности, когда же к нему являлся вестовой, он по следам от грязных сапог безошибочно устанавливал, какие формации лежали на пути вестового – эоценовые или плиоценовые.

Господин лейтенант и впрямь был более геолог, нежели солдат, но он был прежде всего сочинителем письма. Он сидел, сдвинув очки на макушку, держа в руках перо и глядя за окно, где во всей осенней красе раскинулся сад с яблонями и грушами, чьи ветви клонились к земле под тяжестью великолепных плодов. Оранжево-красные тыквы нежились на солнышке возле колючих серо-зеленых артишоков; рядом с белыми, как хлопок, кочанами цветной капусты карабкались по жердочкам огненно-красные помидоры; подсолнухи величиной с тарелку поворачивали свои желтые круги к западу, куда начало клониться дневное светило; целые рощи георгинов, белых, словно накрахмаленные льняные простыни, пурпурно-красных, словно запекшаяся кровь, грязно-красных, словно свежая убоина, нежно-красных, словно требуха, серо-желтых, желтых, как кудель, пятнистых, с разводами, пели слитную ораторию красок. Песчаную тропинку охраняли два ряда гигантских левкоев – сиреневых, ослепительных льди-сто-синих либо соломенно-желтых, они углубляли перспективу до того места, где начинались буро-зеленые виноградники, напоминая рощу вакхических жезлов с краснеющими гроздьями, полускрытыми листвой. На заднем плане белело несжатое ржаное поле, и скорбно клонились к земле наливные колосья с торчащей остью и чешуйками, что осыпались при каждом порыве ветра, возвращая земле ее дары и набухая соками, будто материнская грудь, от которой отняли младенца.

И уже совсем вдаль, в лесу Фонтенбло, рисовались темные кроны дубов и купы буков, чьи причудливые очертания напоминали узор старинных брабантских кружев, сквозь ажурный край которых пробиваются золотыми нитями горизонтальные лучи вечернего солнца. Еще не перестали наведываться в богатые медом кладовые сада редкие пчелы; малиновка издала несколько рулад, сидя на ветке яблони; густые испарения волнами поднимались от левкоев, так бывает, когда идешь по тротуару и перед тобой вдруг распахнут дверь парфюмерной лавки. Зачарованный этой волшебной картиной, лейтенант сидел, держа перо наперевес, как держат винтовку. «Какая красивая страна!» – подумал он, и мысли его устремились вспять, к бескрайнему песчаному морю родной стороны, среди которой торчат кое-где карликовые сосенки, вздымающиеся к небу узловатые ветки с мольбой не засыпать их песком по самую маковку.

Но на волшебную картину, оправленную в раму окна, то и дело с регулярностью маятника падала тень, отбрасываемая винтовкой часового, сверкающий штык рассекал пополам живописное полотно и менял направление под грушей, усеянной отборными наполеонками, зелеными, как киноварь, и желтыми, как кадмий. Лейтенант хотел было попросить часового

¹ После Седана миновало две недели... – Неподалеку от французского города Седана германские войска во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. окружили и разбили французскую армию, которой командовал император Наполеон III.

нести вахту где-нибудь в другом месте, но не посмел. Тогда, чтобы по меньшей мере не видеть, как сверкает штык, он перевел глаза налево, за пределы сада. Там стояла кухня – постройка с желтыми оштукатуренными стенами, без окон и со старой, свилеватой виноградной лозой, распластанной по стене, словно скелет ископаемого животного в музее, но на лозе этой не осталось ни листьев, ни гроздьев; лоза была мертва и стояла будто распятая на кресте шпалеры, простирая длинные жесткие руки как бы с намерением стиснуть в объятьях часового всякий раз, когда тот оказывался поблизости.

Лейтенант оторвал взгляд и от этого зрелища и устремил его на стол. Там по-прежнему лежало неоконченное письмо к молодой жене, которая стала его женой лишь четыре месяца назад, за два месяца до того, как началась война. Рядом с биноклем и картой французского генерального штаба лежала гартмановская «Философия бессознательного»², а также «Парерга и Паралипомена» Шопенгауэра³.

Лейтенант встал из-за стола и несколько раз прошелся по комнате. Раньше она служила залом для собраний и трапез покинувшей эти места колонии художников. Панели на стенах были по квадратам расписаны маслом – все сплошь воспоминания о солнечных часах, проведенных в этом прекрасном, гостеприимном краю, который так щедро предоставлял в распоряжение чужеземцев свои художественные школы и свои выставки. Здесь были танцующие испанки, римские монахи, побережье Нормандии и Бретани, голландские ветряные мельницы, рыбацкие поселки Норвегии и Швейцарские Альпы. Прикорнул мольберт орехового дерева, как бы укрываясь от грозящих ему штыков. Там же висела измазанная палитра, где еще не совсем высохли краски, палитра весьма напоминающая своим видом изъятую печень в окне лавчонки, где продают требуху. На вешалке лейтенант увидел несколько форменных в среде художников головных уборов – огненно-красных шапок испанской милиции, поблекших от дождя и солнца и со следами пота. Лейтенант почувствовал себя не совсем ловко, как человек, который без спросу прошел в чужое жилье и ждет, что с минуты на минуту нагрянет хозяин. Поэтому он вскоре прервал свою прогулку по комнате и сел за стол, чтобы наконец-то дописать письмо. Уже были готовы первые страницы, исполненные сердечных излияний, заботливых расспросов и тревожных опасений, поскольку лейтенант недавно получил известие, подтверждающее его радостное предположение, что он скоро станет отцом. Он обмакнул перо в чернильницу более затем, чтобы иметь собеседника, нежели затем, чтобы сообщить нечто важное либо расспросить о подробностях.

Итак, он писал письмо: «Вот, например: я с приданной мне сотней людей после сорокадвучасового марша без еды и без питья обнаружил в лесу брошенную врагом телегу с провиантом. Как ты думаешь, что было дальше? Оголодав до такой степени, что глаза у людей выступали из орбит, словно горный хрусталь из гранитной глыбы, часть незамедлительно распалась, все, как волки, набросились на еду, но еды могло хватить от силы человек на двадцать пять, и потому они схватились врукопашную. Моих команд никто не слушал, а когда сержант пытался урезонить их своей саблей, они сбили его с ног ружейными прикладами. Шестнадцать человек израненных, полумертвых осталось на месте. Те же, кто все-таки дорвался до еды, так обожрались, что почувствовали себя плохо и, рухнув прямо на землю, тотчас уснули. Соотечественник бил соотечественника, дикие звери передрались из-за добычи.

Или взять пример, когда мы получили приказ срочно соорудить заградительный вал, а под рукой в этой безлесной местности нет ровным счетом ничего, кроме виноградных лоз. Представь себе ужасное зрелище: буквально за час вырубает целый виноградник, а из лоз прямо с листьями и побегами плетут фашины, насквозь мокрые от сока раздавленных недо-

² ...гартмановская «Философия бессознательного»... – Эдуард Гартман (1842–1906) – немецкий философ-идеалист, сторонник панпсихизма. Основой сущего считал бессознательное духовное начало – мировую волю.

³ Артур Шопенгауэр (1788–1860) – немецкий философ-идеалист.

зрелых ягод. Нас заверили, что винограднику этому по меньшей мере сорок лет, стало быть, за один час мы уничтожили плоды сорокалетних трудов с единственной целью – создав укрытие для самих себя, стрелять в тех, кто насадил этот виноградник. Или когда мы затеяли перестрелку среди несжатого поля, где зерно хрустело под ногами, как снежный наст, а примятые колосья клонились к земле, чтобы согнуть после первого же дождя. Надеюсь, ты не подумаешь, моя дорогая, любимая жена, что после таких поступков человек может спокойно спать? Хотя, с другой стороны, я всего лишь выполнял свой долг. А ведь кое-кто осмеливается утверждать, будто сознание исполненного долга заменяет самую мягкую подушку!

Но нам предстоят дела еще более ужасные. Ты, верно, слышала уже, что французский народ, дабы увеличить численность своей армии, весь поднялся на борьбу и сформировал добровольческие соединения, которые под именем франтиреров пытаются отстоять свои дома и поля. Правительство Пруссии не пожелало уравнивать франтиреров в правах с солдатами регулярной армии и приказало расстреливать их повсюду, где бы они ни встретились, как шпионов и предателей, то есть без суда и следствия. По той причине, как говорится в упомянутом приказе, что войну ведут государства, а не отдельные личности. Но разве солдаты – это не отдельные личности? И разве франтиреры не солдаты? Они носят серую форму, как егерские части, а ведь именно форма делает человека солдатом. Да, они не зачислены в армию, гласит возражение. Верно, не зачислены, поскольку правительство не располагало временем, чтобы их зачислить, а коммуникации с сельской частью страны не налажены. У меня у самого в бильярдной, что по соседству с моей комнатой, содержатся три таких пленника, и в любую минуту из штаб-квартиры может поступить приказ касательно их участи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания